КУКОЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Сидятъ за обѣдомъ бабушка съ отцомъ, съ Сашей и Мишей; мамы нѣтъ, она нездорова, дѣти привередничаютъ, тотъ того не ѣстъ, другой другаго.

— А знаешь ли, сынъ мой, что Миша негодится въ военную службу, сказала бабушка.

На эту рѣчь Миша ротъ разинулъ.

— Отчего вы такъ полагаете, матушка? спросилъ Михаилъ Павловичъ, говорившій матери: то–ты, то–вы; въ дѣтствѣ, во времена дѣда, любившаго чинопочитаніе и старинную вѣжливость, дѣти говорили родителямъ вы, послѣ же, въ задушевныя минуты, вы замѣнялось сердечнымъ–ты, поэтому Михаилъ Павловичъ, по дѣтской своей привычкѣ, мѣшалъ ты и вы, какъ случалось.

— Да не захочешь же ты, чтобы его считали трусомъ. Миша хочетъ быть всегда въ дѣйствующей арміи, да еще впереди, а развѣ такой нѣженка годится въ походахъ?

Какъ война, такъ Миша будетъ выходить въ отставку!

— Никогда, бабушка, неправда! кричалъ обиженный мальчикъ: щеки и глаза у него горѣли; — никогда не выйду въ отставку.

— А если не выйдешь, то все–таки тебя товарищи уважать не станутъ, коли не съумѣешь довольствоваться тою пищею, какая попадается, и которую будутъ ѣсть всѣ, — они тотчасъ замѣтятъ причуды твои, и прозовутъ дѣвочкой.

Миша надулся и украдкой вопросительно поглядывалъ на отца.

— Матушка, вы помните Петра Ракушкина?

— Да, а что?

— Онъ долженъ былъ выйдти въ отставку, потому что офицеры засмѣяли его.

— Я, дружокъ мой, Мишенька, говорю не въ шутку и не въ острастку тебѣ, что надо въ дѣтствѣ отвыкать отъ дурныхъ привычекъ, если въ комъ онѣ есть, послѣ самъ не радъ имъ будешь; военному человѣку надо умѣть все ѣсть, всѣмъ

довольствоваться, умѣть самому себѣ служить, да еще и другимъ помогать; можетъ случиться за раненымъ товарищемъ придется походить, или, рѣдкій въ походахъ, лакомый кусокъ уступить больному; какъ привыкнешь въ дѣтствѣ непривередничать да не барствовать, такъ послѣ не въ тягость тебѣ будутъ лишенія.

Слова бабушки замѣтно подѣйствовали на мальчика, онъ пересталъ швырять куски изъ стороны въ сторону и не выкраивалъ кусочковъ изъ серединки; сестрица его также видимо поумнѣла. За пирожнымъ принесли отцу огромный пакетъ, съ надписью: весьма нужное; онъ спѣшно распечаталъ его: изъ конверта выпали два крошечныхъ конвертика, разрисованныхъ, тисненыхъ золотомъ, съ надписью обоимъ дѣтямъ.

— Ну, кажется, тутъ не государственныя дѣла, служба не страдаетъ, сказалъ отецъ, смѣясь и откладывая записочки, въ сторону, — прочтемъ, когда выйдемъ изъ–за стола.

Дѣти нетерпѣливо дожидались, они понимали, что крошечныя записочки были къ нимъ. «Отъ кого то онѣ? Что–то въ нихъ написано?» въ одно слово говорили дѣти. Наконецъ вышли изъ–за стола; помолились, поблагодарили отца и бабушку, и каждый запрыгалъ со своимъ пакетомъ. Саша читала побойчѣе и первая взвизгнула отъ радости: «Мама, папа, позвольте намъ: бабушка, меня приглашаютъ съ новой куклой на вечеръ! Папа, можно намъ, папочка, приставалъ Миша, скажи, можно, говори скорѣе, что можно!»

— Можно, можно, поѣзжайте, и будьте умны.

— Ужь я, папа, буду уменъ, говорилъ Миша, прыгая и опускаясь со всего размаху на четвереньки, кружась и пришлепывая то той, то другой ладонью.

— Миша, Миша, не шали, уговаривала Саша брата.

— Да, сказалъ онъ, вскочивъ вдругъ передъ сестрой, какъ листъ передъ травой,

а я какъ? у меня куклы нѣтъ! Я съ гусаромъ поѣду!

— Ты погляди, что сказано въ запискѣ, замѣтила бабушка.

— Да тамъ очень мелко написано, я не разобралъ.

— Нѣтъ, Миша, говорила дѣвочка, которая гораздо бойчѣе брата читала; о твоемъ гусарѣ ничего не написано! Мы лучше поѣдемъ вмѣстѣ съ моей дочкой.

— Ну хорошо, я скажу, что пріѣхалъ съ племянницей.

Замѣтимъ, что Ниночка сама уже въ куклы не играла; она хотѣла только сдѣлать смотръ всѣмъ кукламъ подругъ своихъ. Много каретъ и саней наѣхало на кукольный вечеръ, а еще болѣе явилось дѣтей и куколъ; многія дѣти привезли ихъ по двѣ и по три. Хозяйка, 12–лѣтняя дѣвочка, нарядная и жеманная, стараясь подражать взрослымъ, въ дверяхъ принимаетъ гостей, осматриваетъ всѣхъ съ головы до ногъ; смотритъ на куклу, и по наряду дѣвочки, и по красотѣ куклы ласкаетъ и забавляетъ гостью.

— Лина, говоритъ она, на тебѣ мытое платье, это то самое, въ которомъ ты была у насъ въ мои именины!

Лина, бѣлокурая, кроткая и застѣнчивая дѣвочка, краснѣетъ, опуская глаза на свое хорошенькое, бѣлое, кисейное платьице, которое мама ея заново вычистила и передѣлала. Въ толпѣ разряженныхъ дѣвочекъ раздался шопотъ: «У Лины старое платье! Неужели? право, Ниночка сказала. Возможно–ли?» Нѣкоторыя дѣвочки даже отодвинулись отъ нея, безсовѣстно оглядывая Лину сзади и спереди.

— А гдѣ твоя кукла? спросила хозяйка.

— У меня старая, чуть слышно выговорила дѣвочка, и слезы стыда и горечи готовы были брызнуть изъ глазъ ребенка.

— Старая! съ пренебреженіемъ выговорила хозяйка, и отвернулась отъ нея.

— У Лины старая кукла, послышалось въ толпѣ, старая, а платье–то на ней какое! вы видѣли; прошлогоднее!

— Бѣдненькая, сказалъ кто–то мягкимъ голосомъ. Лина услышала этотъ отзывъ, доброе слово вызвало цѣлые потоки слезъ, которыя она старалась скрыть подъ руками. Послышался чей–то радостный крикъ, и толпа дѣтей повернулась къ дверямъ, въ которыя рѣзво вбѣжалъ Миша, крича: я пріѣхалъ съ племянницей, вотъ Саша сейчасъ войдетъ!

Всѣ знали, что Сашины родители богаты, что ее очень рядятъ, что куклы у нея дорогія, а потому не одна хозяйка, а почти вся толпа ждала ее, и въ нетерпѣніи подвигалась къ ней на встрѣчу. Въ другомъ углу залы маленькая дѣвочка всѣми силами старалась утѣшить Лину, она то обнимала ее, то тянула ее за локти, стараясь отнять руки отъ лица плачущей. Двѣ другія стояли въ недоумѣньи помочь ли утѣшать, или примкнуть къ толпѣ.

— Ахъ, ахъ, раздалось въ залѣ, ахъ Саша! что за прелесть! Чудо что такое! Счастливица Саша, какая у тебя кукла!

Радостная и гордая успѣхомъ своей куклы, дѣвочка прибавила, что она и спитъ

и бѣгаетъ, и вотъ няня сейчасъ заведетъ ее. Удивленныя дѣти нетерпѣливо стѣснились около нянюшки, которая, оправивъ куклу, спустила ее на полъ. Кукла проворно, какъ мышка, побѣжала вокругъ комнаты, а Миша и нѣсколько другихъ мальчиковъ полетѣли слѣдомъ за нею, даже Лина забыла свое горе и съ изумленьемъ смотрѣла на прекрасную куклу, которую нянюшкѣ пришлось заводить разъ до десяти. Налюбовавшись бѣганьемъ вдоволь, дѣти взяли куклу и съ торжествомъ понесли показывать большимъ. Саша отъ радости подъ собою земли не слышала: всѣ хвалили и ласкали ее, и радовались на чудесную дочку, какъ будто съ обладаніемъ куклы было связано личное достоинство ребенка! Чья то мама назвала даже и Сашу, и куклу ея — царицами бала. Счастливая Саша носилась въ вальсѣ и въ мазуркѣ, то съ куклой, то съ чьимъ нибудь братцемъ, то съ одной изъ разряженныхъ подругъ; наконецъ запыхавшись, бросилась она на диванъ; около нея сидѣли двѣ дѣвочки, которыя не танцовали.

— Мери, ты что не танцуешь? спросила она меньшую свою двоюродную сестрицу…

— Не хочу, я съ Линочкой сижу.

— А развѣ Лина нездорова?

— Очень здорова, да ее не принимаютъ.

Саша живо повернулась къ Линочкѣ, которая печально опустила глаза: — Отчего тебя не принимаютъ?

— Оттого, отвѣчала за нее Мери, что всѣ они гадкія, говорятъ: что у нея старое платье, и смѣются надъ ней, что у нея нѣтъ новой куклы!

Природное чувство добра возмутилось въ Сашѣ, жалость зашевелилась въ груди. — Ты видѣла мою куклу? спросила она у Лины.

— Видѣла.

— Хочешь поиграть ею? И не дождавшись отвѣта, она полетѣла, и не совсѣмъ привѣтливо выхватила у кого–то куклу; она сердилась на подругъ, за ихъ дурное обращеніе съ Линочкой.

— Вотъ, возьми, играй ею цѣлый вечеръ, говорила она, цѣлуя повеселѣвшаго

ребенка, и ты, Мери, также, играйте вмѣстѣ!

Между танцами, одни мальчики важно прохаживались, другіе корчили взрослыхъ, вяло разваливались на диванахъ, отвѣчали другъ другу полусловами, однако замѣтно было, что всѣ выглядывали мѣста себѣ около тѣхъ, что были познатнѣе или побогаче. Другіе же, подобные Мишѣ, рѣзвились, прыгали, кричали, и иногда поддразнивали дѣвочекъ. У этихъ дѣтей были дѣтскіе недостатки, они мало стѣснялись присутствіемъ старшихъ, при нихъ бросались на лакомства, шумѣли и ссорились другъ съ другомъ, словомъ, у нихъ пока все было наружу. Они смотрѣли прямо, говорили безъ запинки; тогда какъ другіе шаркали, кланялись, благодарили, говорили прилично и вѣжливо, до лакомства чуть дотрогивались; родители любовались ими, и съ гордостью выслушивали похвалы своему умѣнью держать дѣтей. О, если бы они заглянули на нихъ тамъ, гдѣ дѣти не боятся чужаго глаза, да послушали, что тамъ говорится!

Дѣвочки вообще походили на своихъ братцевъ, и потому доброе природное чувство иногда принимало искаженный видъ.

— Вы жертвуете на Симбирскъ? спросила одна, вытягиваясь и охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Разумѣется, отвѣчало нѣсколько голосовъ. Ты, сколько дала?

— Не знаю право, небрежно отвѣчала маленькая хозяйка, мама сказала, что она за меня пошлетъ. А ты, Аля?

— Я, сказала дѣвочка съ умными, сѣрыми глазками и выразительнымъ личикомъ, я — и она закинула головку, считая про себя, что–то, — я отдала все, что было у меня въ кружечкѣ, рубль восемьдесятъ пять копѣекъ.

— Экое богатство! вотъ и напечатаютъ: отъ Али — рубль восемьдесятъ пять копѣекъ!

— Нѣтъ, отвѣчала та, папочка говоритъ, совсѣмъ не надо печатать имени.

— Разумѣется, не надо! стыдно давать такъ мало, послышалось нѣсколько

голосовъ. Замѣтно было, что эти дѣти давали изъ тщеславія, а не изъ состраданія.

— Я отдала все, что у меня было, сказала Аля.

— У папы твоего много денегъ, онъ можетъ свои послать!

— Это значитъ, mesdames, чужими руками жаръ загребать, сказалъ старшій братъ Мери. Нѣкоторыя покраснѣли, другіе надулись.

— Сережа, вы всегда насмѣхаетесь или дразните! Вы... Бойкая дѣвочка хотѣла назвать его тѣмъ именемъ, которымъ не разъ старшіе при ней называли людей, несогласныхъ съ ихъ личнымъ мнѣніемъ. Вы... но она забыла слово.

— Что же я? — весело глядя ей въ глаза, допытывался мальчикъ.

Дѣвочка отвернулась, сказавъ: невѣжа!

— Какъ у тебя сегодня весело! наперерывъ говорили подруги своей маленькой хозяйкѣ.

— Какъ всегда, расшаркиваясь сказалъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, изъ взрослыхъ.

Ниночка пріятно улыбнулась тому и другому: — Жаль, сказала она, что Лина испортила слезами своими начало вечера!

— Ахъ, душка, я терпѣть не могу видѣть слезы, говорила одна изъ подругъ, у меня на это такое чувствительное сердце, говоритъ m–me Cricri, — противная эта Лина! Саша, зачѣмъ ты ей отдала куклу?

Сашу сначала смутилъ упрекъ, но взглянувъ на Линочку, которая весь вечеръ возилась и радовалась на ея куклу, бойко отвѣчала: — У нея нѣтъ своей новой, и вы за это обижали ее, такъ я ей и дала свою!

Однако вечеръ пришелъ къ концу; дѣти съ объятіями и съ поцѣлуями разставались; каждый увезъ запасъ чувствъ въ душѣ своей, запасъ, который ежедневно питаетъ, лелѣетъ и роститъ обезьянокъ, попугаевъ и будущихъ трудолюбивыхъ и честныхъ людей.

Поздно; обычное время прощанья и укладыванья давно прошло; дѣти, только–что вернувшіяся изъ гостей, полусонныя идутъ въ свои дѣтскія. Въ домѣ все тихо... Вдругъ изъ Сашиной комнаты послышался

отчаянный крикъ, и вслѣдъ за тѣмъ, громкій плачъ; бабушка показалась въ дверяхъ дѣтской, но спѣшно отозванная къ больной невѣсткѣ, только успѣла взглянуть на няню, которая стояла передъ ребенкомъ, — и торопливо ушла. Плачъ и крикъ не унимался, чрезъ нѣсколько минутъ бабушка воротилась и подошла къ дѣвочкѣ, которая, полураздѣтая, не снявъ еще теплой шапочки и сапожковъ, лежала, уткнувшись въ подушки, и плакала неутѣшно. — Что у васъ такое? спросила бабушка у няни.

— Да вотъ бѣда случилась, должно быть, какъ лошади зашалили, такъ мы куклу выронили; я ужь послала Петра поискать у подъѣзда, да гдѣ теперь найти, чай всю искрошили лошади! — Услышавъ нянино предположенье, Саша еще громче заплакала.

— Ахъ ты, Господи, и что это такое, сестрица померла, такъ эдакъ не убивалась! да что про сестрицу говорить, ее только и норовила какъ бы раздразнить, нечего грѣха таить: оба неласковы до нея были,

говорила нянюшка, замѣчая, съ какимъ вниманіемъ слушаетъ ее старая барыня.

Грустная забота легла на лице бабушки отъ этихъ разсказовъ. Тихо, но рѣшительно наклонясь надъ внучкой, она сказала: — Давай, развяжемъ шапочку, вотъ такъ; теперь снимай сапожки, — няня присѣла на полъ; — ты только помогай ей, няня, а она сама разуется, сказала бабушка. Покончивъ съ сапожками, дѣвочка опять заплакала и хотѣла броситься въ подушки, но бабушка, сидя около нея, на кроваткѣ, привлекла ее тихонько къ себѣ, и что–то ей изрѣдка говорила; а замѣтивъ, что Саша между всхлипываньемъ зѣваетъ и потягивается, она ее тихонечко раздѣла, уложила и сѣла подлѣ нее. Присутствіе доброй бабушки успокоительно подѣйствовало на ребенка; Саша слышала на себѣ ея руку, ей слышались неясныя слова: «Спи, дѣвочка, утро вечера мудренѣе, спи, Господь съ тобою!» Кукольный вечеръ, шумъ, танцы, потеря куклы, уговоры бабушки, непонятная поговорка: утро вечера мудренѣе, все это стало путаться въ головѣ

ребенка, мысли приходили рѣже и отрывочнѣе... а бабушка все еще сидитъ тутъ, наклонясь надъ ней; Сашѣ чувствуется на плечѣ теплая, ласковая рука старушки, но словъ ея она уже не понимаетъ, дитя угомонилось... Бабушка наклоняется, слушаетъ ровное, тихое дыханье внучки, креститъ, цѣлуетъ ее и тихо уходитъ къ себѣ.